

СОЦИОПОГИЯ

© Ж. Т. ТОЩЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет
zhantosch@mail.ru

УДК 316.34/35

НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА — ПРЕКАРИАТ*

PRECARIAT: A NEW PHENOMENON IN SOCIETY'S STRUCTURE

В статье анализируются условия появления нового социального класса — прекариата, дается объяснение причин его возникновения, его структура и основные характеристики. Выявляются главные черты этого класса, осуществляется сравнение с другими социальными группами, раскрывается специфика, его место роль и положение на современном рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования прекариата.

The article studies the conditions of the emergence of a new social class, that of precariat. The reasons for its emergence are explained. The main features of this class are revealed and juxtaposed to the features of other social groups. The place and role of the new class in the modern specialization of labour are outlined. The author considers the position of precariat on the labour market and its emerging self-actualization as «a class for itself». The consequences of the existence and functioning of precariat are singled out.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общество, социальная структура, классы, социальные группы, прекариат, рынок труда, занятость.

KEY WORDS. Society, social structure, classes, social groups, precariat, labour market, employment

На состоявшемся в октябре 2015 г. IV Тюменском социологическом форуме обсуждался чрезвычайно важный вопрос, имеющий не только теоретическое, но и огромное практическое, главным образом, политическое и экономическое

* Статья написана в рамках научного проекта РНФ № 14-18-02016

значение — о социальных вызовах в современной России и современном мире. Именно это остро ставит вопрос об адекватном понимании происходящих общественных процессов, о видении новых тенденций и новых феноменов, об умении их анализировать и формулировать предложения — как на них воздействовать, как учесть их в стратегической и повседневной практике. Стало очевидно, что мы не можем подойти к анализу, пониманию и объяснению новых социальных явлений и процессов, используя прежние мерки, ранее сложившиеся теоретико-методологические приемы. Без поиска принципиально новых подходов мы не сможем ответить на вызовы времени.

Одной из таких проблем является принципиально новое явление в социальной структуре общества — прекариат, на который стали обращать внимание исследователи как за рубежом, так и в нашей стране только в конце XX-начале XXI вв.

Прежде всего, напомним, что понятие «прекариат» образовано от двух слов (от лат. *precarium* — неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии.

Нужно обязательно отметить, что осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу. Сначала это были сомнения в старой формулировке классов. Появились теории, объясняющие коренные изменения социальной структуры общества. А. Горц писал о «конце рабочего класса» [24]. Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в эпоху информационных революций. Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях Хаттингтона.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е годы, исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил это представление, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах.

Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [23]. Эти слои стали привлекать внимание и других исследователей — М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хардта и Т. Негри [18, 25].

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи [1, 3, 7], коллектив кафедры социологии Казанского университета, публицисты [12, 13, 14], которые по-разному трактуют феномен прекариата, но все сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться. Особое внимание этому феномену, вернее, процессу прекариатизации, уделил О. И. Шкаратан со своими коллегами и учениками [21]

Новые реалии второй половины XX-начала XXI вв. наглядно демонстрировали тот факт, что во многих странах мира все большее количество людей оказались в положении, которое многие исследователи предпочли называть теньевыми и неформальными. Это означало, что в трудовых отношениях между

работодателем и работником стали преобладать договоренности без взаимных правовых обязательств, без гарантий защиты даже элементарных прав, которые существовали в цивилизованном мире. Такие отношения приводили к тому, что работодатель (или его представитель) могли произвольно менять сферу занятости, место приложения труда, оплату и уговаривать на «сдержанность» в своих требованиях, ссылаясь на объективные и другие затруднения.

Все это позволяет утверждать, что наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса — прекариата.

Таким образом, прекариат — принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изолированные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации, а в конечном счете и качества жизни. Остановимся на этом подробнее.

Новая ситуация в социальной структуре российского общества

Происшедшие изменения в социальной структуре общества в постсоветской России коренным образом изменили представления о вновь формирующейся реальности. Это осмысление новой ситуации коснулось не только политических и экономических основ нового российского общества, но и вполне логично повлекло переосмысление социальных отношений. Вместо господствующих ранее марксистских представлений о классовой структуре (что, кстати, соответствовало реалиям ее существования не только в советском обществе) появились новые концепции, предложившие иную трактовку изменившейся социально-экономической и социально-политической обстановке. Среди заметных сдвигов в теоретическом осмыслении новых явлений в социальной структуре общества стало появление концепций о среднем классе, вызвавших бурный поток публикаций и ставших вкладом в анализ классовых и социально-групповых изменений. Мы не будем делать подробный анализ этого феномена — он осуществлен и описан в многочисленных публикациях.

Напомним только, что современный мир стремительно меняется. И не только в технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризуют современное устройство общества. Однако классовая структура никуда не исчезла — она приобрела иной вид и иные параметры. Исчезли прежние ориентиры и начался поиск новых определений того социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ.

Реальная жизнь все же требует ответа на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение — какова социальная структура современного общества, в том числе и российского?

Всем очевидно, что от былых представлений ничего или почти ничего не осталось, кроме некоторых контурных обозначений, весьма приблизительно отражающих реальность. Понимая эту ситуацию, современные исследователи

стали искать ответ на поставленную проблему. В 1960-1980-е гг. западные коллеги много внимания уделяли делению общества на «белые» и «синие» воротники, считая, что удельный вес интеллектуального труда изменил весь ландшафт классовой структуры общества.

Отечественные исследователи, осмысливая новые реалии, обратили внимание на отдельные процессы и социальные группы, которые не были присущи советскому обществу, но стали реальностью в постсоветской России. Эти попытки нашли отражение в изучении и анализе нового социального положения людей, связанного с феноменом безработицы (О. И. Шкаратан, Р. Х. Симонян), дауншифтинга (Н. Е. Покровский), фрилансерства (О. Д. Стрелков, А. В. Шевчук) и т. д.

В поисках ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получила значительное развитие (подробнее см. работы Л. А. Беляевой, В. Н. Бобкова, М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой, Н. Е. Тихоновой и др.). Этому классу приписывалась сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Вместе с тем, исследователями среднего класса (слоя) достаточно быстро было обнаружено, что при всей привлекательности такого подхода к социальной структуре общества, этот класс (слой) слишком неоднороден. Попытки разделить его на высший, средний и низший класс в большинстве случаев опирались на уровень дохода и не всегда давали убедительного объяснения, что все же считать средним классом. Поэтому не удивительно, что в социологической литературе мы встречаем разные количественные оценки этого класса — от нескольких процентов до одной трети населения. Наряду с таким подходом в трактовке социальной структуры стали созревать иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентификации и уверенность в будущем. Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно увеличивались не только за счет рабочего класса и крестьянства, но и всех слоев населения.

Хочется обратить внимание и на то, что помимо существования многообразных и неоднозначных трактовок, появились вопросы как теоретического, так и методологического плана. Что касается теории, то возник вопрос — а что в обществе существует только средний класс? Публикации об элите, о высшем слое (в т. ч. об олигархах), об андеклассе (о современных люмпенах) не снимали вопроса об ограниченном видении именно такой социальной структуры общества. Тем более, что и сами исследователи стали видеть ограниченность представлений о среднем классе — во многих публикациях появились достаточно серьезные размышления о том, что нужно видеть различные слои в этом классе, что эти слои серьезно дифференцированы, а иногда и трудно сопоставимы, даже если и брать одну сторону — материальную обеспеченность. Т. е. ситуация на научном поприще очень жестко поставила вопрос о том, есть ли другие классы в российском обществе?

Это первая причина, которая заставляет нас обратить внимание на другие социальные группы.

Вторая причина продиктована реальной социально-экономической и политической практикой. Она выражена в словах вице-преьера правительства РФ О. Голодец: «38 млн россиян из 86 млн трудоспособного населения работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества». В эти группы населения входят те, кто постоянно (!) занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или, как выразилась О. Голодец, «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ. Остановимся на этом подробнее.

О составе и структуре прекариата

Как было сказано выше, этот феномен возник постепенно, не сразу. Люди с временной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды своего существования. Проанализируем современный период, когда эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений. Эти группы начали складываться под воздействием идей и политики неоллиберализма в 60-70-е гг. прошлого века.

Из кого состоит современный *прекариат*? Во-первых, это часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе. Эта социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40 % трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не имеют социальных прав, у них нет оплачиваемого отпуска, они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, так же как получение образования и повышения квалификации. Это дополняется тем, что у большинства временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, карьеры. И главное — временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.

Во-вторых, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. В России это, например, ярко проявилось в, так называемой, рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под «флагом социальной заботы», их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности их труда. Эта группа попадает в

ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым различным ограничениям, вынуждающими их прибегать в смене прежней и поиску новой работы. При этом интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет. Так, согласно данным всероссийского исследования «Жизненный мир Россия» (окт. 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны), почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или затруднились ответить на этот вопрос.

В-третьих, в прекариат входят люди, пробивающиеся сезонными и случайными приработками. К ним можно отнести значительную часть занятых в сельском и лесном хозяйстве, в рыбном промысле, где эта занятость носит ярко выраженный характер зависимости от специфических условий работы. И дело обостряется тем, что эта занятость позволяет оперировать теневыми и противозаконными практиками наема рабочей силы, что, например, ярко показал случай гибели судна частного судовладельца, ведущего рыбный промысел в Охотском море, когда оказалось, что никаких трудовых соглашений почти с третью работавших на этом судне не заключалось.

В-четвертых, прекариат представлен безработными, численность которых также значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Так, после кризиса 2008 г. безработица выросла почти на 50% и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек [16]. Такая же ситуация характерна и для 2014-2015 гг. в условиях кризисных явлений в экономике, а также после введения санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах от 3,5 до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что «скрытая безработица составляет до 20%» [9]. Причем следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, случайные приработки, эпизодическую занятость в личном, особенно сельском, хозяйстве. Ожидается, что 2015 г принесет значительное увеличение безработных. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: «Нужно готовиться к росту безработицы». Так, уже в ноябре 2014 г. в Екатеринбурге официальная безработица увеличилась до 6,8%, т. е. до показателя, характерного для депрессивных регионов.

В-пятых, в прекариат мы включаем людей креативных профессий — специалистов по информационным технологиям, программистов и др., которые заняты фрилансом. Их иногда представляют приверженцами свободолобивого духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [7]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и иногда в чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат — беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем [17].

В-шестых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям [10].

В-седьмых, к прекариату примыкает, на наш взгляд, часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется ущемлением в правах, низкой оплатой труда по сравнению с официальными гражданами, отсутствием социальных гарантий. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [11].

И, наконец, прекариат пополняют стажеры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни. Приобрела распространение практика, когда их берут на работу без права получать зарплату от нескольких месяцев до полугода якобы для проверки их профессиональной готовности выполнять порученные обязанности, а потом увольняют как «не оправдавших надежды», а на их место набирают новых людей, готовых на временные жертвы и лишения.

Именно эти социальные группы являются подтверждением высказывания О. Голодец, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам». Почти половина трудоспособного населения непонятно где, чем и как занята, в результате чего условия их жизни и доходы не отражаются в официальных статистических данных.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX-начале XXI вв. появился новый социальный класс — прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, устойчивый характер. Причем, необходимо отметить, что его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

Основные черты прекариата

Итак, в мире и России начал формироваться прекариат — специфический социальный класс, который уже во многом определяет лицо современного общества. К нему относятся значительные слои населения, представители которого находятся в нестабильном социально-экономическом состоянии, обладают условным, «резанным статусом» [18]. Несмотря на все вариации и разные проявления жизнедеятельности групп этого класса они имеют общие черты.

Прежде всего, для прекариата характерно неустойчивое социальное положение, ведущее к «деинтеллектуализации труда» [6], деформации трудового процесса. Нынешняя реальность такова, что в условиях наступающего кризиса социальное положение многих людей в мире серьезно ухудшилось. Огромное количество безработных (в некоторых странах, таких как Испания, их численность достигает трети трудоспособного населения) постоянно пополняется молодежью после окончания учебных заведений. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя уже объявила в конце 2014 г. о сокращении штата работающих почти на одну четверть, что коснется 110 тыс. работников.

Особо подчеркнем, что массовое лишение рабочих мест касается не только рабочих, оно затрагивает все слои населения и даже части среднего класса,

который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Временная или неполная занятость — отчетливый показатель уязвимости работника, которая нередко оправдывается неолибералами неотложной потребностью в гибком использовании трудовых ресурсов. И хотя такой подход в технократическом толковании оправдан, эта гибкость оборачивается для работника огромными социальными издержками, которые выражаются в потере или снижении социального статуса. И эта угроза всерьез волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел). 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает статусный диссонанс. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями в надежде, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но и в этом случае у группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться, если исходить из собственного опыта и наблюдать отнюдь не вдохновляющие ситуации. А как им думать иначе, если дети высокопоставленных родителей, минуя всякие промежуточные ступени, занимают престижные должности, да еще демонстрируют свое превосходство над окружающими. Например, как реагировать молодым людям, страдающим от статусного диссонанса, когда они узнают, что 25-летний сын главы «Роснефти» Иван не только занял пост первого заместителя директора департамента этой фирмы, но уже через 9 месяцев работы в этой организации получил орден «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Его он удостоен, как значится в президентском указе, «за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса и за *многолетний добросовестный труд*» [22]. Что в этой ситуации думать молодым людям, которые вынуждены искать работу или мириться с вынужденной занятостью? И такой случай не единичен. Все это свидетельствует, что социальный лифт перестал работать (или «заржавел»). И дело не столько в том, что на верх социальной лестницы выходят избранные по сомнительным критериям люди, а в том, что резко сужается возможность обновления общества за счет талантов из самых различных слоев, а также серьезно ограничивается социально обусловленное генерирование способных и творческих людей на следующие ступени служебной лестницы.

Не менее важной характеристикой прекариата является его социальная незащищенность, лишение многих социальных гарантий. Это проявляется не только в более низкой оплате труда — прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем по-

ложении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат как правило не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определенную лояльность. Это общее чувство незащищенности усугубляется тем, что они живут сами по себе, не получают социальных пособий (если они не зарегистрированы как безработные, от чего многие из них уклоняются, чтобы не прослыть неконкурентоспособными и не записать себя в социальное дно). У этого класса нет и реально действующих правовых актов (законов), гарантирующих защиту от произвола, что особенно наглядно проявляется в несоблюдении базовых трудовых прав. По данным всероссийского исследования (1207 чел. в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом (Подробнее см.: Тощенко, 2014).

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессиональной перспективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что *доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств.* Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения.

В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения:

- а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению;
- б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни;
- в) выступить с активными действиями, начиная от акций против правящего режима, или вступить в криминальную среду.

Прекариат по сути депрофессионален, т. к. ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная неолиберальной экономикой линия поведения, что касается огромной массы людей, которые во все большей мере работают не по специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. — уже 49,1% [2]. Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтобы выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений (из них в основном комплектуется «офисный планктон»), занятость которых мало учитывает прежнюю подготовку. Большинство из них, несмотря на ранее полученную специальность, выполняет некоторый набор усредненных требований, необходимых для выполнению таких функций как писать справки, готовить исходную информацию, собирать необходимые данные из различных источников, выполнять поручения, для реализации которых не обязательно иметь высшее образование. В этих условиях становится важным

наличие диплома об образовании без особого учета, какое это образование и в чем оно заключается, и какую профессию получил молодой человек. В результате происходит массовая депрофессионализация, утрата профессиональной идентичности, потеря профессиональной культуры. Поэтому не удивительно, что все возрастающему числу представителей прекариата присуща потеря профессиональной самоидентификации даже в том случае, если они в прошлом имели апробированный опыт работы по определенной специальности и занимали ответственные должности. Считается, что прекариат будет трудиться, когда потребуются и как потребуются в условиях, как правило, не зависящих от его собственного выбора. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях, у всех представителей прекариата есть нечто общее — ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная [1].

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто поразительным обстоятельством — многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее. Т. е. это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстраненным от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности. Напомним, что более года официальные органы устанавливали после теракта в Домодедово, кто же является владельцем этого аэропорта. А не менее поразительные констатации случаев незаконного использования нелегалов-мигрантов на многочисленных стройках столицы и других регионов России, когда зачастую никак не могли установить владельцев и ответственных за эти стройки.

Все это позволяет сделать вывод, что мир столкнулся с новым видом отчуждения, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. Место пролетариата занял прекариат, который во многом схож с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII-XX вв. Прекариат складывается практически из всех слоев современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределенных социальных институтов.

Прекариат — жертва или дитя неолиберальной политики

В появление этого нового феномена — прекариата — большую лепту внесла неолиберальная политика, которая стала проводиться во многих странах мира в последнюю четверть прошедшего века. Неолибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, ни на дух не переносили идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное простран-

ство, в котором трудовая занятость, прибыль, и, соответственно, инвестиции перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению де-индустриализации, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете, эта установка реализовала основную цель неолибералов — переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организация жизни экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. Этой политикой неолибералов была порождена изощренная эксплуатация трудовых ресурсов, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. После многих лет усилий обратить внимание на их идеи, неолибералы в 1980-е годы добились поддержки, что нашло особо яркое воплощение в политике Рейгана и Тэтчер, начавших действовать согласно этих рекомендаций. Реализация идей неолиберализма привела к реальному повышению эффективности экономики, но и одновременно к колоссальной деформации социальной структуры, безработице, созданию социальных групп, социальные позиции которых стали расплывчатыми, неустойчивыми, неопределенными. Возник слой, превращающийся в класс, который в праве стали называть прекариатом.

Стоит особо отметить, что под воздействием идей неолиберализма в 1980-1990-е гг. в индустриально развитых странах практически закончила существование лейбористская модель государства всеобщего благоденствия: резко сократилось число рабочих мест с долгосрочными гарантиями занятости и соответствующим социальным обеспечением. Фактически произошел отказ от решения проблемы «незащищенного труда». Была провозглашена политика гибкости рынка труда, которая включала в себя много аспектов:

- гибкость заработной платы означала приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения;
- гибкость занятости — возможность для фирм быстро и без затрат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости;
- гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением и затратами;
- гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить [18].

По сути, эта гибкость означала, что наемных работников можно ставить во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая

жертва ради сохранения существования организации (производства) и соответственно, рабочих мест. И в этих условиях любые затруднения в развитии экономики, конкретного производства объясняли негибкостью и отсутствием структурных реформ рынка труда.

Последствия появления прекариата

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия.

В чем это проявляется? С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство. Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложному, но не менее классово обусловленному. Все материальные и финансовые ресурсы во все большей мере сосредотачиваются в руках небольшой группы людей, как в мире, так и в России. Официальный децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых без учета доходов топ-менеджеров и олигархов) составляет 1:16, хотя, по экспертным данным, он составляет 1:30, а в Москве — 1:45/50. 3% населения владеют 70% национального богатства и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к увеличению, а в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов. Что касается официальной инфляции, то она за последние 10 лет составила 19%, а реальная, социальная (рост цен на питание, услуги ЖКХ, поезд в общественном транспорте и т. д.) — 32% [8]. Для представления о масштабах неопределенности и обездоленности говорит и тот факт, что хотя масштабы бедности за 2010-е годы уменьшились, они по-прежнему значительны — 12% населения живет ниже прожиточного минимума.

Продолжается рост незащищенного или слабо защищенного населения. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (окт 2012, 1207 чел.) 8% боятся увольнения, а еще 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Причем, сюда относятся и представители среднего класса. Т. е. и они являются потенциальным источником прекариата. На пополнение прекариата претендуют работники различных сфер деятельности, с которыми заключают краткосрочные договоры, что практикуется во все возрастающих масштабах. Эта участь постигла многих преподавателей в процессе реализации реформы высшего и среднего образования. Аналогичные процессы происходят и в сфере здравоохранения, которое тоже подверглось «оптимизации». Иначе говоря, все большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределенную и неустойчивую массу, которую волнует возрастающая нестабильность и неустойчивость ее социального положения.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организован-

ными действиями, выход из неопределенности своего положения. Одним из таких путей постепенного осознания своего положения станет его роль в олицетворении социальной напряженности. И хотя прекариат не стал еще «классом для себя», но это может произойти точно таким же образом, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе». Современный прекариат уже начал использовать не только проверенные в прошлые времена инструменты классово-борьбы — забастовки, митинги, стачки и т. п., но и новые непривычные и мало апробированные формы, например, Европервомай в Западной Европе и Японии, которые всеми способами и символами демонстрировали свою незащищенность и нестабильность. Конечно, эти акции далеки от продуманной тактики борьбы за свои права. Тем более, что в этой борьбе еще точно не определен — кто враг? С кем надо бороться? Какими методами?

Кроме того, у прекариата нет еще внятной политической программы, неясны еще лидеры, которые бы сплотили эти разношерстные ряды и подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Но несомненно одно — уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны и устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее. Это подтверждают и социологические данные. Согласно Е. Б. Шестоपाल (2014 г., 8 регионов, 898 человек), 52% негативно оценивают власть в современной России при позитивной оценке 22% опрошенных [20]. Не стоит ли в этой связи обратить внимание, что эта половина коррелирует не с 12% живущих ниже прожиточного минимума, а с примерной численностью так или иначе неустроенных людей? Вместе с тем, перед прекариатом остро стоит вопрос — как перейти от случайных эпизодических актов выражения недовольства к продуманной политической программе действий.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников для того, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека.

Многие социальные группы, входящие в прекариат, вследствие неустойчивости, неопределенности своих гражданских позиций обладают размытым деформированным сознанием, что проявляется в самых различных действиях — от аномичного поведения до деструктивной деятельности, связанной с криминальным, деликвентным поведением.

Происходит и духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира.

Такая неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своем нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. покончили с жизнью 24690 человек. По мнению экспертов, социальные причины начинают преобладать над медицинскими. Самоубийства все чаще связывают с возросшим уровнем тревоги, наступающим кризисом, когда люди не видят выхода из жизненного, экономического или финансового тупика [15]. А эти причины касаются не андеркласса, члены которого обычно мирятся с такой ситуацией, а именно прекариата, который активно ищет пути стабилизации своего социально-экономического положения. Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием — прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Он уже образует устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения в потенци в опасное образование — будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизюков П. Что такое прекариат? / П. Бизюков // Газета.ру. 2014. 1 мая.
2. Воловская Н. М. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина, А. В. Иноземцева // Социологические исследования. 2015. № 5.
3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3.
4. Голодец О. «38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем» / О. Голодец // Российская газета. 2013. 3 апреля.
5. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. М., 2011.

6. Гринберг Р. С. Великая трансформация: невыученные уроки / Р. С. Гринберг. М., 2009.
7. Давыдов А. П. Зинаида Голенкова и российская социология / А. П. Давыдов // *Философские науки*. 2014. № 10.
8. Зайцев Л. Н., Викулин Я. Н. В сейфах богачей и «народной казне» / Л. Н. Зайцев, Я. Н. Викулин // *Советская Россия*. 2015. 24 янв.
9. Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом / В. Истомин // *Версия*. 2015. № 3. С. 17.
10. Козина И. М. Работники заемного труда / И. М. Козина // *Социологические исследования*. 2013. № 5.
11. Малахов А. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо) действия / А. Малахов // *Политические исследования*. 2015. № 1.
12. Мармер Э. Что такое прекариат / Э. Мармер // *Neue Zeiten*. 2009. № 5.
13. Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! / Е. Мельник // *Еженедельник 2000. Свобода слова*. 2007 (30 нояб-6 дек.) № 48.
14. Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира / А. Механик // *Эксперт*. 2014. № 1.
15. Мишина И. Вопрос жизни и смерти / И. Мишина // *Версия*. 2015. № 3. С. 15-16.
16. *Российский статистический ежегодник: 2012: стат. сб.* М., 2012.
17. Стрелков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры на российском рынке труда / Д. О. Стрелков, А. В. Шевчук // *Социологические исследования*. 2010. № 2.
18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М., 2014.
19. Тощенко Ж. Т. Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980-х — начало 2010-х гг.) / Ж. Т. Тощенко // *Социологические исследования*. 2014. № 7.
20. Шестопал Е. Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии / Е. Б. Шестопал // *Политические исследования*. 2015. № 1.
21. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013 / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова // *Социологические исследования*. 2015. № 12.
22. Юрьева Е. Орден-бонус / Е. Юрьева // *Советская Россия*. 2015. 24 янв.
23. Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout / P. Bourdieu. *Contre-feux*. Paris. 1998. P. 96-102.
24. Gorz A. *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism* / A. Gorz. London, 1982.
25. Hardt M., Negri A. *Empire* / M. Hardt, A. Negri. Cambridge, MA, 2000.

REFERENCES

1. Bizjukov P. Chto takoe prekariat? [What Is Precariat?]. *Gazeta.ru*. 2014. 1 May. (In Russian)
2. Volovskaja N. M., Pljusnina L. K., Rusina A. V., Inozemceva A. V. Nezanjatoe naselenie i samozanjatost' v Sibirskom regione [The Unemployed and Self-Employment in the Siberian Region]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]*. 2015. No 5. (In Russian)
3. Golenkova Z. T., Goliusova Ju. V. Novye social'nye gruppy v sovremennyh stratifikacionnyh sistemah global'nogo obshhestva [New Social Groups in Modern

- Stratification Systems of the Global Community]. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological Science and Social Practice]. 2013. No 3. (In Russian)
4. Golodec O. "38 millionov trudospobnyh rossijan zanjaty neponjatno chem [38 Million Russian Economically Active Citizens Are Employed in the Middle of Nowhere]." Rossijskaja gazeta [Russian Newspaper]. 2013. 3 Apr. (In Russian)
 5. Gorshkov M. K. Rossijskoe obshhestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as It Is: An Essay in Sociological Diagnostics]. Moscow, 2011. (In Russian)
 6. Grinberg R. S. Velikaja transformacija: nevyuchennye uroki [A Great Transformation: The Unlearned Lessons]. Moscow, 2009. (In Russian)
 7. Davydov A. P. Zinaida Golenkova i rossijskaja sociologija [Zinaida Golenkova and Russian Sociology]. Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]. 2014. No 10. (In Russian)
 8. Zajcev L. N., Vikulin Ja. N. V sejfah bogachej i 'narodnoj kazne' [In Richmen's Safes and in People's Treasury]. Sovetskaja Rossija [Soviet Russia]. 2015. 24 Jan. (In Russian)
 9. Istomin V. Krizis i bezrobotica ugrozhajut strane social'nym vzryvom [The Recession and Unemployment as a Social Challenge to the Country]. Versija [Version]. 2015. No 3. P. 17. (In Russian)
 10. Kozina I. M. Rabotniki zaemnogo truda [Workers of 'Borrowed' Employment]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]. 2013. No 5. (In Russian)
 11. Malahov A. Allohtony i avtohtony: migranty kak sub'ekt social'nogo (vzaimo)deystvija [Allochthons and Auotochtons: Immigrants as Agents of Social (Inter)actions]. Politicheskie issledovanija [Political Research]. 2015. No 1. (In Russian)
 12. Marmer E. Chto takoe prekariat [What Is Precariat?]. Neue Zeiten. 2009. No 5. (In Russian)
 13. Mel'nik E. "Prekariat vseh stran, soedinjajsja! [Precariat of All Countries, Unite!]" Ezhenedel'nik 2000. Svoboda slova [Weekly 2000. Freedom of speech]. 2007. 30 Nov.- 6 Dec. No 48. (In Russian)
 14. Mehanik A. Unizhennye i oskorblennye sovremennogo mira [The Insulted and Humiliated of the Present-Day World]. Ekspert [Expert]. 2014. No 1. (In Russian)
 15. Mishina I. Vopros zhizni i smerti [An Issue of Life and Death]. Versija [Version]. 2015. No 3. Pp. 15-16. (In Russian)
 16. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik: 2012 [Russian Yearbook of Statistics: 2012]. Moscow, 2012. (In Russian)
 17. Strelkov D. O, Shevchuk A. V. Frilansery na rossijskom rynke truda [Freelance Workers on Russian Labour Market]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]. 2010. No 2. (In Russian)
 18. Standing G. Prekariat: Novyj Opasnyj Klass [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, 2014. (In Russian)
 19. Toshhenko Zh. T. Ekonomicheskoe soznanie i povedenie: chetvert' veka spustja (konec 1980-h — nachalo 2010-h gg.) [Economic Consciousness and Behaviour: a Quarter of a Century After (Late 1980s — Early 2010s)]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]. 2014. No 7. (In Russian)
 20. Shestopal E. B. Chetvert' veka politicheskikh reform v Rossii s točki zrenija psihologii [Twenty-Five Years of Political Reforms in Russia: Standpoints of Psychology]. Politicheskie issledovanija [Political Research]. 2015. No 1. (In Russian)
 21. Shkaratan O. I., Karacharovskij V. V., Gasjukova E. N. Prekariat: teorija i empiricheskij analiz (na materialah oprosov v Rossii, 1994-2013) [The Precariat:

- Theories and Empirical Analysis (Based on the 1994-2013 Poll Results in Russia]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]. 2015. No 12. (In Russian)
22. Jur'eva E. Orden-bonus. Sovetskaja Rossija [Soviet Russia]. 2015. 24 Jan. (In Russian.)
23. Bourdieu P. La gr̃acarit̃ est aujourd'hui partout. Contre-feux. Paris, 1998. Pp. 96-102.
24. Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.
25. Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, 2000.

Автор публикации

Тощенко Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, гл. научный сотрудник Института социологии РАН, гл. редактор журнала «Социологические исследования».

Author of the publication

Zhan T. Toshhenko — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Supervisor of the Division for Sociology, Russian State University for the Humanities, Chief Research Worker of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Journal «Sociological Studies»